

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНО-БОЛГАРСКОЙ ДРУЖБЫ

С. В. ОВНАНЯН

Небольшой городок в Западной Армении — Диарбекир, расположенный вблизи Гигранакерта, древнейшей столицы исторической Армении, в середине XIX столетия прочно вошел в историю и поэзию революционно-освободительного движения болгарского народа. Одновременно Диарбекир стал местом, где выковывалась армяно-болгарская дружба.

Турецкие власти в связи с ростом национально-освободительного движения в Болгарии усилили репрессии, массовым порядком арестовывали болгарских революционеров, прогрессивных деятелей науки, культуры и духовенства, ссылали их в малоазиатские тюрьмы империи — в Диарбекир, Мардин, Эрзерум (Карин), Сен-Жан-д'Акр (Аккия), Аргана-Маден, Кютая, Мосул, на остров Кипр, Айнаррозский полуостров и т. д.¹

В начале 60-х годов Диарбекирская крепость стала одним из основных мест сосредоточения сосланных болгар. После неудачной попытки восстания в районе Тырнова в июле 1862 г. в Диарбекир была направлена первая крупная партия заключенных болгарских революционеров в количестве около 30 человек. Впоследствии крепость пополнялась новыми узниками. Только по официальным данным общее число болгарских революционеров в Диарбекире превысило вскоре 200 человек².

Дело, однако, не только в количестве, но и, пожалуй, в большей степени, в том, что сосланные были не рядовыми борцами, а выдающимися деятелями, организаторами и руководителями революционно-освободительного движения болгарского народа. Среди них были такие профессиональные революционеры, как Ангел Обретенов — ближайший соратник Георгия Раковского и Панайота Хитова, сын прославленной болгарки Бабы Тонки, Георги Миркович — сотрудник болгарского отдела, созданного в одно время при кабинете Али Паши, Атанас Узунов — заместитель Василя Левского, Анастас Хинов-Попов — председатель Ловчанского тайного революционного комитета, Петр Берковский и Стоян Зимов — ближайшие друзья и сподвижники Левского и Ботева, Георгий Данчов Зографин — «душа» Чирпанского тайного революционного комитета, Михаил (Михо) Минчев — председатель Хасковского комитета, Константин Доганов — председатель Пловдивского тайного революционного комитета, Васил Гложански, Бойчо Русев, Димитр Пешков, Васил Йонков и многие другие.

¹ См. «Априлско въстание 1876 г.» (Анотации на документи и материали), т. II, София, 1955, стр. 150—151, 206.

² Следует отметить, что число сосланных в Диарбекир болгар было значительно больше. Турецкие власти, опасаясь мирового общественного мнения и вмешательства великих держав в балканские дела, старательно преуменьшали эту цифру. Особенно массовые масштабы репрессии приняли накануне русско-турецкой войны. «Царьградское правительство предприняло все меры, чтобы предупредить новое восстание болгарского народа в тылу своих войск, и всех более или менее видных болгар новыми партиями отправляло на каторгу... Тысячи новых и старых заключенных были сосланы из Болгарии в Малую Азию», — писал известный болгарский ученый Стефан Каракостов (Диарбекирски заточеници..., стр. 467—474, 546—547). Общее число болгарских узников, сосланных в 1860—70-х годах в малоазиатские тюрьмы империи, принято считать около 40 тысяч человек, из коих лишь 12 тысяч смогло перенести тяжелые условия турецкой каторги и вернуться в освобожденную Болгарию (см., например, «Църковен вестник», година 66, 1965, № 32—34, стр. 25).

Дневники, корреспонденции, воспоминания, письма и другие документы сосланных в Диарбекир болгарских революционеров, собранные и опубликованные видным болгарским ученым Стефаном Каракостовым³, а также ряд армянских источников содержат весьма интересный материал, позволяющий воссоздать картину братского отношения армянского народа к болгарским узникам.

Первое и непосредственное знакомство армянского населения с заключенными болгарам произошло на пути от Болгарии до малоазиатских тюрем империи. Невыносимые трудности на этом страшном переходе, унесшем множество жертв, описаны в ряде писем болгарских революционеров.

Председатель Хасковскогo тайного революционного комитета, близкий друг и биограф прославленного воеводы Панайота Хитова Петр Берковский, сосланный в 1873 г. в Диарбекир, пишет, что дорога от Алеппо тянулась через Береджик, Урфу и Севрек. «По пути мы на «Ноевом ковчеге» пересекли Евфрат. Преодолевая множество препятствий, муки и падения, проливные дожди и снеговые покровы, слякоть и метель, мы едва живыми смогли достичь будущего нашего обиталища — Диарбекира»⁴. Таков был путь и другой группы заключенных, среди которых находился Георгий Данчов⁵. Заключенных отправляли в Диарбекир и другими путями: через Эдирне — Константинополь — Александретту, через Варну — Константинополь — Бейрут — Каиляфу⁶.

Население отдельных турецких городов и сел, расположенных по пути, «было сильно возбуждено, толпилось вокруг нас с явным намерением напасть и совершить убийства. Конвойным едва удавалось противостоять намерениям толпы», — вспоминал Иванница Данчев, один из организаторов четы, которой впоследствии руководил Христо Ботев⁷.

Все это угнетающе действовало на заключенных. Даже деятели, отличавшиеся твердым характером (как, скажем, Петр Берковский), впадали в глубокий пессимизм и отчаяние⁸.

Противоположная картина наблюдалась, когда заключенные проходили через города и села, населенные армянами. Несмотря на то, что великий визирь обратился к местным властям со специальным циркуляром, требуя пресечь всевозможную помощь местного населения заключенным болгарам⁹, такая помощь все же оказывалась. В дневнике Димитра Пешкова¹⁰, сосланного весной 1873 г. в Диарбекир, упоминается, что большая группа заключенных, в состав которой входил и он сам, 28 марта после 6-часового трудного пути, достигла армянского села Ятмыш. Здесь «сельчане угостили нас простыми сельскими продуктами и высказали большое сочувствие к нам». 29 марта, после 7-часового утомительного пути по высоким и гористым местам, группа достигла села Ени-Хан со смешанным армяно-турецким населением, где арестанты, размещенные в армянских семьях, хорошо поели и крепко выпались¹¹. Утром 3 апреля в армянском селе Улаш, ссылкой был оказан сердечный прием¹². Население этих сел состояло из

³ Ст. Каракостов. Диарбекирски заточеници. Героични сенки, биографични скици, письма и дневници. София, 1946.

⁴ Там же, стр. 337.

⁵ См. там же, стр. 438.

⁶ См. там же, стр. 359, 450.

⁷ Там же, стр. 652.

⁸ См. П. Берковский. Из въспоминания ми, Лом, 1894, стр. 35.

⁹ См. Ст. Каракостов. Указ соч., стр. 253—254.

¹⁰ Димитр Пешков был членом Ловчанского тайного революционного комитета; соратником Левского. Ссылка не могла сломить его свободолюбия. 6 июля 1876 г. он убежал из Диарбекира, перебрался в Бухарест и продолжал революционно-освободительную деятельность.

¹¹ См. Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 252.

¹² См. там же, стр. 253.

бедноты. В отличие от мусульман, армяне «проявляли к нам внимание и гостеприимство...»¹³.

Вскоре ссыльные миновали Евфрат, город Гюмуш Мадени (здесь имелаась фабрика для обработки серебра, причем «серебро обрабатывалось примитивно и отправлялось в Европу»), села Арпуд, Арагана-Маден и достигли Диарбекира¹⁴.

Касаясь отношения армянского населения к другой группе заключенных болгар, Петр Берковский в письме, опубликованном в журнале «Век», счел нужным отметить, что по прибытии группы заключенных в Северек к ним в тюрьму пришел местный армянский духовный владыка с несколькими видными армянами, которые «своими хорошими советами немало утешили нас, деля нашу скорбь». Во время беседы посетители узнали, что один из болгар — Бойчо Русев — тяжело болен и что товарищи думают оставить его в Северекской тюрьме. Прислушавшись к просьбе заключенных, владыка обратился к начальнику охраны, а также к турецким властям и добился передачи больного на его попечительство. Он вывел Русева из тюрьмы, поместил у себя в покоях, обеспечил врачебный уход и хорошее питание. Этим он спас жизнь больного, который вскоре совершенно выздоровел и был отправлен властями в Диарбекир, к своим друзьям¹⁵.

Чувствуя доброе отношение со стороны армян, многие болгарские заключенные взялись за изучение армянского языка, причем некоторые из них достигли определенных успехов. Так, например, учитель из Эски-Джумая Матю Радославов, который был связан с Болгарским центральным революционным комитетом (БЦРК) и сослан в район Эрзерума¹⁶, за короткое время научился говорить и читать по-армянски¹⁷.

«Диарбекирский зандан»¹⁸ (так окрестили крепость болгарские заключенные), его тяжелые условия нашли яркое отражение в творчестве Любена Каравелова («Мученик»), Христо Ботева, Ивана Вазова («Под игом») и других выдающихся болгарских писателей-революционеров. Тюремные камеры, эти, по словам Христо Ботева, «гробницы для молодых сил Болгарии»¹⁹, «очень мрачны, сыры и нездоровы»²⁰, полны «змей, скорпионов, блох, комаров и различного рода насекомых, названия которых не перечислить»²¹. В письме Берковского, озаглавленном «Диарбекирский зандан, 15 февраля 1875 г.», описываются невыносимые условия тюрьмы и трагическое положение заключенных²².

С первых дней пребывания болгарских заключенных в Диарбекирской крепости местное армянское население протянуло им руку братской помощи.хлопоты армян за вывод заключенных из тюрьмы, означавший неофициальную замену каторжного режима свободной ссылкой, дали определенные результаты. В письме заключенных, сосланных в Диарбекирскую крепость в связи с Тырновским восстанием 1862 г., говорилось: «Двое — Христов и Маринов — на днях будут освобождены из тюрьмы из уважения (за голям хатър) к здешнему армянскому владыке, которому плевненская община отправила прошение и умоляла его способствовать их освобождению... Владыка добрый и милостивый человек...» «Я, — добавил Христо Ботев, обнародывая это письмо через свою газету «Знаме», — публично благодарю его за добрые христианские дела — посещение темниц заключенных... Хорошо было бы, чтобы другие наши общины обратились

¹³ Там же, стр. 254—255.

¹⁴ Там же, стр. 256, 290. На этом дневник Димитра Пешкова обрывается.

¹⁵ См. «Век», година I, № 13, 6 апреля 1874 г.

¹⁶ См. Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 519.

¹⁷ См. «Архив на възражданието», т. I (Документи по политическото възраждане), София, 1908, стр. 131.

¹⁸ Там же, стр. 462.

¹⁹ См. Х. Ботев. Съчинения (Автентично издание), т. I, София, 1950, стр. 176, 269.

²⁰ Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 257.

²¹ Там же, стр. 153.

²² См. «Архив на възражданието», т. I, София, 1908, стр. 462—463.

с прошениями к этому добродетельному старику... Надеюсь, что он сможет взять наших несчастных под поручительство и освободить из тюрем»²³.

Трудно было начало. Постепенно увеличилось как число покровителей, так и число заключенных, пользующихся свободой в пределах города. В 1868 г. в Диарбекир прибыла вторая большая группа болгар, сосланная туда в связи с четническим движением. «Заключенные были закованы в тяжелые кандалы и привязаны друг к другу цепью. Они препровождались в тюрьму»,— свидетельствует один из армянских авторов²⁴.

В это время правителем Диарбекирской области был безжалостный Ибрагим Паша, известный под именем Гурт (Волк). Духовный предводитель местных армян Акоп Папаян немало потрудился для того, чтобы повлиять на пашу и облегчить участь узников. Потребовалось 3—4 месяца, пока удалось освободить заключенных из кандалов и выволить из тюрьмы. Они были помещены в одной комнате, расположенной у церкви «Мар Гзма», жили в тяжелых условиях, «работали грузчиками, что зарабатывали, то и совместно расходовали»²⁵.

В начале 70-х годов в Диарбекир прибыла третья крупная партия заключенных, среди которых был видный болгарский революционер, врач Георгий Миркович. В одном из своих писем он сообщал, что местные армяне и пользовавшиеся свободой болгары старались общепринятым путем поручительства освободить его и его друзей из тюрьмы. Однако их попытки оказались тщетными. «В Диарбекире находились заключенные болгары, как вы знаете, более 100 человек. Они почти все пришли повидать нас и обещали свое содействие перед горожанами, чтобы освободить нас из тюрьмы. Горожане, кстати, были очень благосклонны к нам, но просьбы самых добрых и даже влиятельнейших горожан звучали как голоса в пустыне. Так нам пришлось побывать в этой невыносимой тюрьме»²⁶.

Вскоре Мирковича и его друзей как важных политических преступников перевели в Мардин, расположенный недалеко от Диарбекира. Положение Мирковича,—свидетельствует автор истории города Сливен Ст. Табаков,—было до того тяжелым, что «одни воспоминания вызывают подлинный ужас»²⁷. В своем «Седьмом письме» Миркович писал: «Мардинские граждане, которые никогда не имели у себя сосланных, смотрели на нас, как на разбойников. Ни на каких началах невозможно было добиться поручителей. В этом трудном положении мы снова должны были благодарить диарбекирцев, чьи примерные благодеяния редко встречаются в мире. Их святые и высокоморальные поступки незабываемы для тех, кто был там в заключении. Они всегда были готовы пожертвовать трудом, временем и деньгами для того, чтобы добиться, насколько возможно, свободы для одного политического узника»²⁸.

Миркович имел полное основание столь похвально отзываться о диарбекирских армянах. Узнав о перемещении Мирковича и его друзей в мардинскую тюрьму, диарбекирцы просили своих знакомых в Мардине взять под поручительство заключенных там болгар. Но результатов не добились. Тогда один из диарбекирцев, по фамилии Шекерджиян, «оставил свои дела, запер свою лавку и пришел в Мардин, специально из-за нас». Его хлопоты увенчались успехом: Миркович и его друзья по поручительству и под ответственность видных мардинских армян вскоре избавились от тяжелых цепей каторжников, вышли из тюремных застенков и получили право свободного передвижения в пределах города²⁹. Местный армянский владыка предоставил им две комнаты, расположенные во дворе армянской церкви³⁰.

²³ Х. Ботйов. Пълно събрание на съчиненията, т. 3, София, 1940, стр. 416.

²⁴ Յ. Մ Կ ր Է ր, Արմենիա և Երևանի քաղաքը, 1950, стр. 182.

²⁵ См. там же, стр. 183.

²⁶ Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 153.

²⁷ Там же, стр. 103.

²⁸ Там же, стр. 155.

²⁹ Там же, стр. 103.

³⁰ См. там же, стр. 156.

Значительно проще было улажено освобождение группы болгарских заключенных, прибывших в Диарбекир весной 1873 г. «Не прошло много дней (после прибытия этой группы в Диарбекирскую тюрьму.— С. О.),— говорится в одном из писем Берковско-го,— как полностью обнаружилось христианская ревность и любовь (местных армян.— С. О.) к нам, болгарам. В результате их неустанных хлопот и просьб перед местным начальством желанное для нас обещание стало действительностью: спустя 8 дней после нашего прибытия, мы, по их поручительству, были освобождены из тюрьмы, совершенно свободно ходили по городу... Кроме этого примечательного дела, за здешней армянской общиной числятся и другие благороднейшие поступки, проявленные по отношению ко всем сосланным сюда болгарам...»³¹.

В конце 1874 г. в Диарбекир прибыла новая большая партия заключенных, среди которых был председатель Ловчанского тайного революционного комитета, ближайший соратник и друг Лезского Анастас Хинов-Попов, приговоренный к каторге на 101 год. Из одного письма Анастаса, опубликованного Христо Ботевым, узнаем, что армянский владыка немедленно явился к местным властям и предложил свое поручительство. Вскоре Анастас был выведен из тюремных казематов и стал пользоваться свободой в пределах города³².

Трудно переоценить значение перелома в жизни болгарских заключенных. В письме от 20 июня 1874 г. Петр Берковский, описывая хлопоты местных армян, стремившихся освободить каторжников из-под тюремного режима, с признательностью подчеркивал: «А что было наше освобождение, если не второе рождение?»³³. Другой заключенный, Константин Доганов, в своих воспоминаниях подчеркивал, что с освобождением из тюремных застенков «началась для нас новая жизнь»³⁴.

И действительно, это было «вторым рождением», «началом новой жизни» для заключенных болгар. Они устраивались в городских домах, работали, постепенно улучшая свои бытовые условия. Более того, «новая жизнь», подняла моральный дух сосланных болгар и возродила в них решимость к продолжению борьбы.

Освобождение заключенных из тюрьмы было важнейшим делом среди различных услуг армянского населения болгарским революционерам. В течение всего периода нахождения их в Диарбекире местные армяне оказывали им всестороннюю помощь и поддержку, что отражено в достоверных источниках.

В общей массе разнообразной помощи большое место занимала также материальная поддержка. После освобождения первой большой группы заключенных из тюрьмы местные армяне во дворе церкви св. Киракоса дали богатый обед, оставивший большое впечатление на заключенных. «Будучи каторжниками и чужестранцами, они были уверены в том, что попали в среду честных, христианских благодетелей, что их дружба облегчит горести ссылки»³⁵.

Постепенно армянская община становилась центром притяжения болгарских заключенных, а обеды вошли в традицию. В пяти-десяти больших «церковных котлах» в неделю несколько раз варился обед для нищих и нуждающихся армян. Большая часть этих обедов раздавалась болгарам. По воскресеньям и в дни церковных праздников болгары, как правило, приглашались во двор церкви св. Киракоса на совместный обед с армянами³⁶.

С ростом числа сосланных в Диарбекир болгар увеличивалось и количество котлов. «В одно время,— свидетельствует один из местных армян,— число котлов достигло

31 «Век», година I, № 13, 6 апреля 1874 г.

32 См. Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 230—231, а также «Архив на възражданието», т. I, София, 1908, стр. 175—178.

33 Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 341.

34 Там же, стр. 449.

35 S. U ч н и т, указ. соч., стр. 186—187.

36 См. там же, стр. 191.

20-ти, в неделю несколько раз варился и раздавался обед болгарам-братьям во Христе, когда они, как ссыльные, находились в нашем городе»³⁷.

Кроме обедов и иных видов материальной помощи (одеждой, обувью и топливом), армяне всячески содействовали болгарским узникам в трудоустройстве, хотя это было очень трудным делом в условиях экономически отсталого Диарбекира³⁸. Атанас Узунов, отличавшийся, по словам Христо Ботева, «сильным характером и твердой волей»³⁹, был высокоразвитым человеком, владел болгарским, русским, греческим, французским и турецким языками. После ареста он, закованный в двойные цепи, был загнан в Аргана-Маденские рудники, на каторжные работы. Вскоре он с помощью армян был освобожден и устроен учителем в греческой школе⁴⁰. Нагрузка в школе была небольшая, поэтому Узунов смог одновременно заняться литературной деятельностью. Он написал драмы «Цвятко войвода» (опубликована в Бухаресте в 1876 г.), «Добър Хайдутин» (София, 1880) и ряд других произведений, проникнутых горячим патриотизмом. В истории болгарской художественной литературы Узунов, по определению Георгия Бакалова, был первым писателем, создавшим (в драме «Цвятко войвода») образ профессионального революционера.

После освобождения из тюрьмы известный болгарский художник Георгий Данчов и фотограф Христо Ильич с помощью местных армян открыли живописно-фотографическую мастерскую. Примечательно, что знаменитая «Русалка» и ряд других известных шедевров были созданы Данчовым в Диарбекире⁴¹.

Иначе протекала «новая жизнь» у Берковского, описанная в одном из писем Георги Минчева. Через своих заступников-армян Берковский сблизился с инженером в Диарбекирском вилайете. Последний предложил вали назначить Берковского своим помощником на строительстве шоссейных дорог с месячным окладом в 200 грошей. Опасаясь побега, вали категорически отказал. Потребовались хлопоты и уговоры влиятельных армян, и дело было улажено. Берковский стал свободно разъезжать по вилайету и зарабатывать на жизнь. Как-то на него совершили покушение, однако «благодаря оказавшимся там армянам, Берковский был спасен»⁴².

Удачно сложилась жизнь врача Георгия Мирковича. В своем «Седьмом письме» он описывает, как Шекерджиян и лекарь-армянин по имени Хайрула (Хайрола) эфенди оказали ему денежную поддержку, снабдили медицинскими инструментами и старались популяризировать его среди клиентов. Положение Мирковича улучшилось до такой степени, что он нанял просторный дом и совместно с Хайрула эфенди стал принимать больных. Хайрула познакомил Мирковича «со всеми видными гражданами». Вскоре он завоевал доверие властей и любовь горожан, совершенно свободно разъезжал не только по городу и окрестным селам, но даже из города в город, из вилайета в вилайет. Когда со стороны Багдада надвигалась угроза чумы, в Мардине был устроен карантинный пост, начальником которого был назначен Миркович с месячным окладом в 700 грошей. «Христианские жители горячо поздравляли меня, думали, что я навсегда останусь здесь и стану местным гражданином»⁴³.

Разумеется, не у всех заключенных дела складывались так удачно. Многие по несколько месяцев ходили без работы, нанимались на черную работу, владели жалкое существование. Зато все они были на воле, создали под небом Диарбекира болгарскую

37 *Յ. Մ ը Ճ Ե Ս Ե, Տիգրանակերտ քաղաքը (տեղեկագրական նոթեր), «Տիգրիս» տարեգիրք, Հայկ, 1946, стр. 16.*

38 В письме Димитра Пешкова от 4 мая 1873 г. подчеркивается ничтожная потребность в рабочей силе в Диарбекире. Освободившись из тюрьмы, Пешков 5—6 месяцев ходил без работы (см. «Право», година VIII, № 30, 5 октября 1873 г.).

39 См. «Знаме», година I (1874), № 1.

40 См. «Независимость», година IV (1874), № 36, стр. 311.

41 См. Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 437—439.

42 П. Берковски. Из въспоминанията ми, стр. 36.

43 См. Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 156—160.

общину, жили новой жизнью, отмечали национальные праздники и постепенно возобновляли свою патриотическую деятельность⁴⁴.

С особым торжеством болгары отмечали национально-политический праздник в память Кирилла и Мефодия⁴⁵. «В земном аду, Диарбекире, вдали от любимой отчизны впервые отметили торжественно праздник Св. Кирилла и Мефодия,— говорится в одном из писем Берковского за 1874 г.— На болгарском языке была отслужена литургия... Присутствовали все болгары, множество народу — христиан разных вероисповеданий... После водосвятия поднялся один из наших друзей (Янко Кочев.— С. О.) и произнес очень трогательную и боевую речь...»⁴⁶.

Сообщая об этом торжестве, «Независимость» Любена Каравелова отмечала заслуги местных армян и православных арабов в организации праздника, приводила выдержки из речи учителя-революционера Янко Кочева. Он, оказывается, призывал заключенных проявить стойкость, не молиться о помиловании, а убежать с каторги и принимать участие в освободительной борьбе своего народа. В заключение от имени сосланных болгар Кочев выразил глубокую благодарность «христианским братьям» Диарбекира, от которых, по его словам, зависит «и наше счастье, и наше будущее»⁴⁷.

Следует отметить, что армяне выступали в роли главных информаторов для сосланных в Диарбекир болгар, изолированных от родины. В воспоминаниях армянского автора повествуется, что, например, купец Чакобян, по соседству с которым жил Стоян Заимов⁴⁸, постоянно читал константинопольские армянские газеты и переводил для Заимова на турецкий язык известия из Болгарии⁴⁹. Из другого документа узнаем, что Берковский, подружившись с армянином — начальником местного отделения почты-телеграфа, узнавал от него сведения о Болгарии, в том числе о начавшемся там Апрель-

⁴⁴ См. там же, стр. 233. Значение помощи диарбекирских армян болгарским революционерам станет более ясным, если иметь в виду горькую судьбу тех болгар, которых сослали в другие места. Известный армянский писатель Церенц (Овсеп Шишманян), сосланный турецкими властями на Кипр, был очевидцем тяжелого положения местных болгарских узников. В своих неопубликованных воспоминаниях он с грустью писал, как болгарские революционеры, будучи тяжело больными и крайне изнуренными, были закованы в цепи и постоянно находились в тюремных казематах. «Редко кто из них оставался живым. Основная их часть выходила из тюрьмы в гробах» (см. АМЛИМК Арм. ССР, ф. Церенца, д. 22).

⁴⁵ Известный армянский писатель Ерванд Срмакешханлян (Ерухан) посвятил описанию этого праздника специальный очерк (см. «Բիւզանդիստիկ», 1897, № 218, 1898, № 478).

⁴⁶ Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 343.

⁴⁷ См. «Независимость», година IV (1874), № 36, стр. 311.

⁴⁸ Хасковский учитель Стоян Заимов был одним из выдающихся болгарских революционеров, членом БРЦК. Он завоевал почетное звание «дважды заточенного». В первый раз был арестован в 1873 г., приговорен к пожизненной каторге и сослан в Диарбекир. Осенью 1874 г. он совершил побег. Перебравшись через Трапезунд—Аккерман в Бухарест, Заимов вместе с Ботевым, Бенковским и другими революционерами развернул кипучую деятельность. Однако весной 1876 г. он снова попал в руки турецких властей и был сослан в крепость Сен-Жан-д'Акр (Аккия), где и остался до освобождения Болгарии. Возвратившись на родину, стал одним из видных русофильских общественно-политических деятелей страны, инициатором основания памятника «Освобождение» в Софии, плевненского мавзолея и т. д. Заимов имел большое влияние на Ивана Вазова. Герой романа «Под игом» — Бойчо Огнянов (Иван Кралнич) — олицетворяет Левского и Заимова. Эпизод из первой главы — бегство Кралича — это бегство Заимова из Диарбекира (см. Իվան Վազով, իմ արձակագրերը, 1905, стр. 39).

⁴⁹ См. С. Մանուկ, указ. соч., стр. 192. Следует отметить, что автор этих воспоминаний допустил ряд неточностей, в частности спутал Стояна Заимова с Захарием Стояновым, которого в Диарбекире не было.

ском восстании⁵⁰. Эти вести имели большое значение для морального состояния и поведения ссыльных болгар, большая часть которых была приговорена к пожизненной каторге⁵¹.

В 1876 г. в Диарбекире царилла напряженная атмосфера, вызванная Апрельским восстанием на родине, бегством некоторых заключенных и усилением надзора за ними. С помощью местных армян и православных арабов болгары добились разрешения и вновь отметили праздник Кирилла и Мефодия. «Во дворе церкви Берковский произнес речь, в которой не упустил повода упомянуть даже о восстании в Болгарии. Он подчеркнул,— сообщает Георги Минчев,— что наша обязанность идти на помощь болгарскому льву, который разорвал пятивековые цепи и борется за свободу. Его речь была настолько трогательной и произнесена в таком тоне, что не только болгары, но и присутствовавшие арабы и армяне плакали заодно с нами, хотя и не понимали по-болгарски»⁵².

Весть о вооруженных боях на родине взволновала заключенных, которые небольшими партиями или в одиночку стали убегать из Диарбекира. 18 июня 1876 года Берковский и Михаил Минчев покинули Диарбекир и добрались до Алеппо, где русский посланник Иванов смог инкогнито переправить их через Александретту в Одессу⁵³. Спустя несколько дней (25 июня) за ними последовал чирпаиский художник Георгий Данчов. Переодетый в армянскую одежду, он через Эрзерум и Карс достиг русских кавказских постов, где сначала был принят с недоверием. Впоследствии, когда в Тифлисе установили, что он действительно болгарский каторжник, ему, как «диарбекирскому братушке», уделили большое внимание⁵⁴. При помощи кавказского губернатора графа Лорис-Меликова Данчов был отправлен в Одессу⁵⁵. Примеру Берковского и других последовали десятки других сосланных болгар⁵⁶.

В ответ на массовые побег турецкие власти восстановили каторжный режим, высланные в Диарбекир болгарские революционеры снова были загнаны в тюремные застенки. В это время в Диарбекир для раскопок древностей эпохи Вавилона прибыл из Англии болгарский ученый П. М. Паттеев. В его записках говорится, что некоторые заключенные, пользовавшиеся свободой, убежали, а поручившиеся за них армяне на несколько дней были арестованы, что каторжный режим для болгар восстановлен, что местные армяне делают все «для облегчения их положения»⁵⁷.

Кратковременные аресты, допросы и штрафы не в силах были подорвать братское отношение армян к заключенным болгарам. Из ряда документов мы узнаем, что местные армяне носили им передачи, «с удвоенной настойчивостью» добивались их освобождения из тюрьмы. В течение 3—7 месяцев после восстановления каторжного режима болгарские революционеры под личную ответственность местных армян и православных арабов снова были освобождены из тюрьмы⁵⁸.

⁵⁰ См. Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 400.

⁵¹ Петр Берковский, Михаил и Георги Минчевы в письме от 13 мая 1876 г. писали в Хасково, что из армянских газет успели узнать о событиях в Болгарии: «Новости ужасны, но одновременно утешительны тем, что от этого пожара вскоре возродится свободная Болгария» («Априлско въстание 1876 г.», Анотации на документи и материали, т. II, София, 1955, стр. 16).

⁵² П. Берковский. Из въспоминанията ми, стр. 39.

⁵³ См. Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 297, 400.

⁵⁴ См. там же, стр. 441.

⁵⁵ Из Одессы Данчов перебрался в Румынию, во время русско-турецкой войны записался добровольцем в болгарское ополчение и отличился в боях. После освобождения страны он создал портреты Васила Левского и Христо Ботева, вошедшие в золотой фонд болгарского изобразительного искусства.

⁵⁶ См. Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 290—301.

⁵⁷ См. там же, стр. 338—340.

⁵⁸ См. Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 161, 400, 439—440, 546—549; «Век», година I, № 13, от 6 апреля 1874 г.; «Априлски», № 7, 11. IX. 1886; «Брѣшѣ», Унѣрш., № 1352, 10. XII. 1865.

Взоры ссыльных болгар, как и всего болгарского народа, были в это время прикованы к России, к назревавшей русско-турецкой войне, в победном исходе которой они видели единственную возможность своего спасения. Начало желанной войны и успехи русского оружия вызвали несказанное ликование среди ссыльных болгар. Подлинным торжеством для них стала победа России.

Весть о заключении Сан-Стефанского договора, в силу которого болгарские политические узники подлежали освобождению, как молния разнеслась по Диарбекиру. Сосланные болгары бросили работу и направились к церкви св. Киракоса. Туда же устремились армяне. Вскоре церковь и ее двор были переполнены ликующим народом — болгарами и армянами. Здесь под открытым небом состоялся грандиозный митинг.

«Возвращаясь из Диарбекира,— заявил один из ораторов,— мы навек унесем с собой память о вас, как замечательных людях. Прибыв в чужой город, расстаемся с братской любовью. Дай бог, чтобы сбылись также и ваши мечты!»⁵⁹.

«Мы до самого последнего вздоха,— заявил другой оратор,— будем признательны вашему народу за оказанную нам любовь и помощь. Уверяем вас, что мы, болгары, сделаем все от нас зависящее для осуществления и вашей независимости»⁶⁰.

Двое из болгар пустили в ход свирели (чгртмы) и стали играть повстанческий марш⁶¹. Вскоре началось болгарское хоро: человек 60—65, образовав большой круг, с азартом плясали и пели. Раздавались групповые возгласы: «Да живе свобода!», «Да живе България!».

Стихийно возникший митинг братской дружбы двух народов закончился к полудню, когда болгары, распростившись со своими заступниками, отправились в путь, на родину.

Будучи опытными специалистами в различных областях техники, науки и культуры, сосланные в Диарбекир болгарские революционеры оставили заметный след на всей жизни и быте диарбекирцев. Несомненно, что армянский лекарь или рядовой художник могли многому научиться у такого опытного врача, как Георгий Миркович, или талантливого художника, как Георгий Данчов. Среди болгар нашлись и такие, которые обнаружили в Диарбекире запасы меди и золота и пытались вместе с армянами основать здесь небольшую медеплавильную фабрику⁶².

Однако наиболее глубокий след они оставили в общественной жизни диарбекирских армян, содействуя росту среди них национально-патриотического движения. Под влиянием первых болгарских революционеров в 1865 г. под руководством учителя Товмаса Завзаватчяна было основано Армянское патриотическое общество («Айренасирац»), развернувшее заметную культурно-просветительную деятельность⁶³.

Чем дальше, тем больше увеличивалось число болгарских революционеров в Диарбекире, расширялись и укреплялись их контакты с местными армянами. Узники, освобожденные усилиями армян из тюремных застенков, сближались с ними, рассказывали им о своей революционной деятельности, об освободительных идеях, ради которых боролись и попали в тюрьму. Тем самым они оказывались в роли активных пропагандистов революционно-освободительных идей среди армян.

Будучи политически подготовленными и дальновидными деятелями, заключенные болгарские революционеры превосходно понимали, что рост освободительного движения

⁵⁹ Цит. по *Տ. Մկրտչյան*, указ. соч., стр. 196.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ В течение 15-летнего пребывания в Диарбекире сосланные туда болгары не раз играли (во время вечеринок, празднеств и т. п.) эту мелодию. Местные армяне успели ее хорошо усвоить. Впоследствии, свидетельствует один из современников, мелодия была приспособлена к армянскому народному стихотворению «Смотри, голубь на ковчеге Ноя!» и получила широкое распространение (см. *Տ. Մկրտչյան. Ամբաստանյալ ժամանակներ*, стр. 196—197).

⁶² См., например, письмо Миканла Минчева мужу своей сестры Христо Злотарову, опубликованное Стефаном Каракостовым («Диарбекирски заточеници», стр. 367—369).

⁶³ См. *Տ. Մկրտչյան*, указ. соч., стр. 186.

в Западной Армении, находившейся под турецким игом, пойдет также на пользу борьбе болгарского народа, облегчит дело его освобождения.

Под влиянием революционно-освободительных идей болгарских каторжников в середине 70-х годов армянское патриотическое общество «Айренасирац», кроме культурно-просветительных, стало преследовать и национально-освободительные цели. Тогда же оно было, по всей вероятности, реорганизовано, вместо учителя Товмаса Завзавагчяна председателем был избран ремесленник по имени Ованес.

«Лето (по всей вероятности, 1874 г.— С. О.) миновало, настала зима,— говорится в воспоминаниях Георгия Минчева,— Берковский целыми днями сидел дома..., занимался переводами книг..., рассказывал разные случаи... Одно время, оказывается, он задался мыслью посеять повстанческие (бунтовщические) семена и здесь (в Диарбекире.— С. О.): начал собирать вокруг себя влиятельных и развитых армян, рассказывал и разъяснял им, что такое свобода и как ее достигнуть. Эти семена пустили корни: они (армяне.— С. О.) основали один комитет под председательством сарафина Оханеза»⁶⁴.

Интересные данные о революционно-пропагандистской деятельности сосланных в Диарбекир болгар среди местного армянского населения содержатся также в материалах, опубликованных в сборнике Тиграна Мкунда «Отклики Амиды»⁶⁵. Один из болгар,— говорится в одном из помещенных там воспоминаний,— на понятном для армян турецком языке рассказывал о своей революционной деятельности и советовал обучиться стрельбе⁶⁶.

В следующее воскресенье один из руководителей «Айренасираца» (по имени Патвакан) в большой аудитории церкви св. Киракоса выступил с лекцией «О важности обучения пользованию оружием», на которой присутствовали не только члены общества, но и многие другие армяне. Это собрание,— замечает автор,— стало началом возрождения диарбекирцев, многие из которых вскоре стали приобретать винтовки и, под видом охоты, обучаться прицеливанию и стрельбе⁶⁷. «И так,— заключает он,— болгарские революционеры исподволь подготавливали армянских революционеров в Амиде»⁶⁸.

Известный деятель армянского освободительного движения тех лет Мкртич Португальян, путешествовавший в 1875 г. по Западной Армении, побывал также в Диарбекире, где познакомился с положением сосланных болгар и армянского общества «Айренасирац»⁶⁹. Он был настолько восхищен ростками национально-освободительного движения в Западной Армении и деятельностью диарбекирского «Айренасираца», что даже сложил стихотворение «Голос с родины армян», посвятив его членам этого общества. К стихам, проникнутым духом горячего патриотизма, была приспособлена и музыка. Эта песня, ставшая гимном диарбекирского общества «Айренасирац», получила заметное распространение⁷⁰.

Деятельность ссыльных болгар среди местного армянского населения и рост патриотических настроений в Диарбекире не ускользнули от внимания турецких властей.

⁶⁴ Цит. по кн.: П. Берковский. Из воспоминания ми, стр. 37.

⁶⁵ Приходится сожалеть, что автор воспоминаний, опубликованных Мкундом, не использовал официальные болгарские источники, вследствие чего, описывая по памяти явления правдиво, спутал имена деятелей.

⁶⁶ См. *S. U 4 n i h q*, указ. соч., стр. 186.

⁶⁷ См. там же, стр. 187.

⁶⁸ Там же, стр. 192. Нам кажется, что автор воспоминаний несколько сгустил краски, ибо в болгарских и армянских первоисточниках мы не находим материалов, дающих основание для таких выводов. Материалы о диарбекирском «Айренасираце» очень скудны, но они позволяют утверждать, что болгарские революционеры способствовали основанию этого общества и активизации его национально-патриотической деятельности.

⁶⁹ См. «Արմենիա», № 7, 11.IX 1886.

⁷⁰ *Մ. Փորթոգալյան, Մի ձայն Հայոց հանրահրեն (Վճռյշներ Մ. Փորթոգալյանի գրած ոտանավորներեն)», Մարտի, 1891, стр. 15—16. Впоследствии М. Португальян посвятил этот же гимн «Союзу армянских патриотов», основанному среди армянских переселенцев Европы в конце 80-х годов.*

Один из жителей, преследовавший корыстные цели,— узнаем из «Седьмого письма» Георгия Мирковича,— доносил местному курдскому паше о том, что среди сосланных болгар имеются «главнейшие вожаки бунтовщического движения» в Болгарии, которые во вверенном вам городе «производят некоторые неприятные смуты», «находят единомышленников» среди местных армян, что от них «можно всякое ожидать».

В ответ на подобные донесения турецкие власти усилили надзор, а отдельных болгарских революционеров, например Георгия Мирковича, возвратили на несколько недель в тюрьму⁷¹. Это, конечно, не могло приостановить рост национально-патриотического движения в Диарбекире и вообще в Западной Армении, которое имело объективные и достаточно сильные национальные и социальные причины и пружины⁷².

Накануне освобождения Болгарии от турецкого ига небольшой городок в Западной Армении стал местом, где выковывалась армяно-болгарская дружба. Армяне своим братским отношением к сосланным в Диарбекир болгарским революционерам облегчили их тяжелую участь, дали им возможность сохранить свою жизнь и боевой дух в условиях турецкой каторги. Болгарские же революционеры оставили неизгладимый след в общественной жизни диарбекирских армян, способствовали возникновению и деятельности одной из первых национально-патриотических организаций в Западной Армении — диарбекирского общества «Айренасирац».

⁷¹ См. Ст. Каракостов. Указ. соч., стр. 161.

⁷² См. *Մ. Կ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը թուրքական բռնապետության դեմ, Երևան, 1955.*